

Кто-то однажды спросил меня: в чём истинный смысл любви?

Я думаю, он в том, чтобы через любовь к другому полюбить весь этот мир.

И, наконец, научиться любить самого себя.

— 21 января 2005 года

Зима на севере выдалась суровой. Сухой ледяной ветер бил в лицо, а в воздухе, казалось, вечно кружила невидимая хрустальная крошка. Она впивалась в кожу колючей болью, и даже в густой толпе невозможно было нащупать и капли тепла.

Линь Илин timer потерявшие, почти онемевшие руки. Наконец на горизонте показался тяжело переваливающийся автобус. Он обернулся и посмотрел на Чэнь Лу. Тот стоял рядом в полурасстегнутой кожаной куртке — то ли здоровье у этого парня было железным, то ли нервные окончания отсутствовали напрочь.

Голос кондуктора, выкрикивающего маршрут из окна, прервал его мысли. Линь Илин timer коснулся плеча Чэнь Лу, который увлеченно строчил кому-то сообщение.

— Эй, автобус приехал. Пошли.

Молодой господин слов на ветер не бросал. Прошлую ночь они провели в одной постели, втиснувшись по бокам от спящего племянника. Илин timer надеялся, что на этом мучение закончится, но Чэнь Лу твердо вознамерился ехать с ним. С самого утра он отослал водителя вместе с «хвостиком»-Янь Сяотоу к родителям, решив добираться своим ходом.

Дорогу здесь отремонтировали недавно, пассажиров было немного, поэтому просторный салон встретил их пустотой. Линь Илин timer выбрал место у окна в самом конце и молча сел. Безмятежная улыбка Чэнь Лу заставляла его нервничать.

— Замерз? — Чэнь Лу накрыл своей широкой ладонью его длинные ледяные пальцы.

Он чуть склонил голову, и в его синих глазах промелькнула редкая, тихая нежность.

— Нет, — Линь Илин timer неловко высвободил руку и качнул головой.

Очередной отказ. «Страус» снова включил режим игнорирования и попытался вычеркнуть из памяти события прошлой ночи.

Чэнь Лу вскинул бровь, собираясь что-то сказать, но над ними вырос кондуктор:

— С вас шестьдесят за двоих.

Чэнь Лу по привычке полез за бумажником, но внезапно осознал, что у него нет ни гроша наличными. В жизни наследника корпорации такие мелочи, как бумажные деньги, обычно не существовали как явление. Несмотря на эффектную внешность пассажира, кондуктор с темными кругами под глазами недовольно скривился:

— Билеты брать обязательно. Нет денег — выметайтесь и ждите следующего рейса, пока не снимете.

Впервые Линь Илин увидел, как обычно невозмутимый Чэнь Лу растерялся. Илин невольно улыбнулся. Он достал стоюаневую купюру и протянул кондуктору.

Когда тот, пошатываясь на ухабах, ушел отсчитывать сдачу, Чэнь Лу пробормотал:

— Наконец-то улыбнулся? А я уж думал, ты сегодня и взглядом меня не удостоишь.

Линь Илин и сам не хотел вечно ходить натянутой струной, но и вести непринужденные беседы сейчас был не в силах. Он отвернулся к окну. За стеклом уныло проносился серый пейзаж: голые ветви деревьев, похожие на скелеты, и выцветшее небо.

Путь предстоял неблизкий. Водитель щелкнул кнопкой магнитолы, и салон наполнила старая, заезженная кассета. Зазвучал голос Ван Фэй, песня «Минувшие годы».

«В этой жизни, встретившись на узкой тропе, нам не избежать друг друга...»

«До того как повзрослел, после того как полюбил — этот миг длиной всего в один день...»

Необъяснимая печаль захлестнула сердце Линь Илина. Песни этой женщины всегда заставляли его остро чувствовать свое одиночество — то самое, против которого ты бессилен, но в которое готов погружаться снова и снова, пока не затянет с головой. Сейчас он выглядел пугающе хрупким, словно прозрачный осколок льда, готовый рассыпаться от малейшего касания.

Чэнь Лу молча наблюдал за ним. Он вспомнил, как когда-то обнимал гитару, пытаясь соблазнить этого дуралея, обещая ему в песне своё «I'm Willing». Они знали друг друга меньше полугода, но казалось — целую вечность. Настолько долгую, что вся его прежняя жизнь до встречи с Линь Илином теперь казалась пресной и не заслуживающей интереса.

— За прошлую ночь... прости, — внезапно прошептал Чэнь Лу.

Илинь удивленно повернул голову.

— Я сказал, что ты мне нравишься, не для того, чтобы затащить тебя в постель, — лицо Чэнь Лу было предельно серьезным. Он прекрасно понимал, какой страх и отвращение Линь Илинь испытывал к физической близости. Ужас, пережитый в детстве от рук родного отца, — это клеймо, которое не стереть за всю жизнь. Просто в тот момент чувства переполнили его: хотелось обнять и больше никогда не отпускать.

Илинь вздрогнул. Он чувствовал смущение.

— Не надо... — вырвалось у него.

«Не надо любить меня». Но он не договорил. Чэнь Лу снова крепко сжал его холодную руку, и у Линь Илиня просто не осталось сил сопротивляться.

— Сяо Линьлинь?

Дверь осторожно приоткрылась, и показалось женское лицо — сначала настороженное, а затем озарившееся радостью. Чэнь Лу замер. Он не ожидал, что Линь Илинь окажется так похож на мать: та же фарфоровая бледность кожи, те же изящные линии глаз. Только время и невзгоды изрядно измучили её, оставив печать нездоровой худобы и усталости.

— Мама! — выражение лица Илиня мгновенно преобразилось. Оно стало теплым и беззащитным. Он вошел в квартиру, делая вид, что всё в порядке: — Познакомься, это мой хороший друг, Чэнь Лу. А это моя мама.

— Здравствуйте, тетушка, — Чэнь Лу не стал вести себя как заносчивый принц. Напротив, он старался казаться образцом вежливости, панически боясь вызвать неприязнь у матери Илиня.

— Здравствуй, здравствуй. Проходи, не стесняйся, присаживайся, — мама Илиня завела выбившуюся прядь за ухо, её усталый взгляд потеплел. — Что же ты, сынок, не предупредил, что приедешь? Еще и с одноклассником... А я и приготовить-то ничего толком не успела.

— Тетушка, не стоит беспокоиться, — улыбнулся Чэнь Лу. — А то мне в следующий раз неловко будет к вам заходить.

Линь Илинь заподозрил, что в этого парня сегодня вселился какой-то неведомый дух. Он посмотрел на Чэнь Лу взглядом, в десять раз более ошеломленным, чем в автобусе, и, неожиданно для самого себя, схватил его за локоть.

— Мам, я сначала покажу ему свою комнату, а потом помогу тебе с обедом. Если плохо себя чувствуешь — приляг, отдохни.

Захлопнув дверь в свою комнату, Илинь нервно обернулся:

— Ты что задумал? У моей мамы слабое здоровье, не смей...

Чэнь Лу примирительно развел руками:

— Я правда ничего не замышляю. Просто хочу побыть с тобой.

Илинь всё еще не верил ему, вглядываясь в лицо гостя, словно в допросной.

— Так вот где ты вырос... — Чэнь Лу огляделся, проигнорировав его подозрительность. — Совсем по-детски.

Крохотная спальня метров в двенадцать. Стены выкрашены в редкий бледно-зеленый цвет, который от времени стал грязноватым. Рисунки, нанесенные когда-то цветной масляной краской, облупились, но в них всё еще угадывалась история Пиноккио. Деревянная кровать у батареи, застеленная желтым бельем с кроликами. Старый письменный стол, за которым сидят только младшеклассники, и полки, заставленные сказками многолетней давности.

Линь Илинь горько усмехнулся и пододвинул другу стул.

Когда-то отец любил рисовать. Его артистическая натура превращала дом в картинку. Мама подрабатывала уроками фортепиано, и на эти деньги они покупали Линь Илиню игрушки, которые по тем временам считались роскошью. Дети во дворе пускали слюни от зависти, глядя на любую его вещь.

Всё это осталось в прошлом.

Чэнь Лу понял, что опять наступил на большую мозоль. Печаль в глазах мальчика, которую тот изо всех сил пытался скрыть, отозвалась в нем острой болью. Он поспешил сменить тему:

— У тебя есть детские фотографии? Покажи.

— Ну, есть... — замялся Илинь.

— Неси.

—...

— Не принесешь — пойду на кухню болтать с твоей мамой.

Пришлось достать альбом с Микки Маусом на обложке. Чэнь Лу открыл его и замер. Он не ожидал, что Илинь так сильно изменился.

Маленький Линь Илинь был круглолицым ребенком с ямочками на щеках. В его улыбке было столько простого, чистого счастья, что его хоть сейчас можно было отправлять сниматься в рекламе детского питания. Страница за страницей — мальчик подрастал, его черты становились тоньше, пока на фотографиях десятилетнего возраста летопись внезапно не оборвалась.

Оказалось, что улыбка этого человека осталась там — далеко в прошлом.

Чэнь Лу провел пальцами по снимку. Маленький ангел, красивый и счастливый. От этого зрелища в груди потеплело.

— Пойду приготовлю что-нибудь нам и маме, — Линь Илинь наконец нарушил затянувшееся молчание, чувствуя себя не в своей тарелке.

Чэнь Лу незаметно вытащил одну фотографию, сунул её в бумажник и улыбнулся:

— Я помогу.

Илинь только глазами захлопал:

— Да брось... Ты же...

— Я твой лучший друг, забыл? Всё в порядке.

Не слушая возражений, Чэнь Лу вытащил Илиня из комнаты и направился напрямиком в тесную кухню.

К удивлению Илиня, своенравный наследник действительно не доставил хлопот. Мама Линь, будучи женщиной крайне чуткой, не почувствовала ни капли дискомфорта рядом с чужаком. Напротив, вежливость Чэнь Лу и его познания в музыке совершенно её очаровали. Запертый на долгие годы замок на её душе вдруг поддался — она разговорилась с этим синеглазым юношей, и на её лице впервые за долгое время появилась тень бывшего воодушевления.

Линь Илинь закончил мыть посуду и, вытирая руки, подошел к двери маминой спальни:

— Мам, мы всё убрали. Нам пора ехать... Я навещу тебя на следующей неделе.

Мама Илия, сидевшая рядом с Чэнь Лу на банкетке у пианино, обернулась:

— Уже поздно, да и холодно на улице. Оставайтесь. Утром, как солнышко выйдет, тогда и поедете.

— Но мне нужно на работу, — запротестовал Илия.

— Подумаешь, возьмешь отгул на полдня. Тетушке так одиноко одной, неужели тебе трудно побыть с ней подольше? — Чэнь Лу, поймав момент, когда мать Илия отвернулась, многозначительно улыбнулся.

— Мам... — Илия предпринял последнюю попытку.

— Вот именно. К тому же, ты, может, холода и не боишься, а Чэнь Лу замерзнет. Поедете завтра, и точка. Слушай мать, — она словно обрела прежнюю решительность. — Воду я согрела, идите мойтесь и ложитесь пораньше.

Бедный Илия застыл в дверях, чувствуя, что его нервы вот-вот лопнут.

В тусклом свете настольной лампы лицо Чэнь Лу казалось удивительно мягким. Влажные после душа каштановые волосы придавали ему сходство с мальчишкой. Он лежал на краю кровати и довольно улыбался Илии.

— Так вот какова была твоя цель? А ну вставай, иди на диван! — Илия метался по комнате, окончательно потеряв самообладание.

— Кровать двуспальная, что друзьям делить? — Чэнь Лу нагло наслаждался победой. — Тем более, нам не впервой.

— Ты... — голос Илия дрогнул от обиды. — Почему моя мама не видит, что с тобой что-то не так?

Молодой господин просиял. Он открыл бумажник и показал фото Бетти — Чжао Цзывэй, которое та самолично туда вклеила:

— Я сказал, что это моя девушка.

— Лжец.

— Иди сюда.

— Чэнь Лу, не перегибай палку!

— Тогда я пойду и скажу твоей маме, что я на самом деле её зять. Выбирай: или спим здесь вместе, или я иду признаваться.

...

Через три секунды Линь Илин, как побитый пес, забрался на внутреннюю сторону кровати. Он втиснул между собой и Чэнь Лу огромного плюшевого медведя и свернулся калачиком, уткнувшись носом в стену — настоящий комок обиды.

Чэнь Лу остался лежать на месте, задумчиво глядя на него. Свет лампы золотил его длинные ресницы.

— Чэнь Лу, не делай так больше. Я не выдержу... Мы правда из разных миров, — голос Линь Илина доносился глухо, из-под подушки. — У меня дома тесно и бедно, еда простая... Тебе это кажется терпимым только потому, что в новинку. Это совсем не похоже на твои виллы и деликатесы. И я... я тоже не тот человек, которым ты меня вообразил.

Чэнь Лу терпеливо дождался, пока он закончит, и лишь спустя долгое время спросил:

— Знаешь, почему ты мне нравишься?

— Любопытство, жалость... — начал перечислять Илин.

— Нет. Восхищение, — прервал его Чэнь Лу.

Это слово заставило Линь Илина недоверчиво обернуться.

— Я никогда не встречал человека более стойкого и самостоятельного, чем ты. Линь Илин, почему ты вечно считаешь себя слабым? В моих глазах ты сильнее всех.

Чэнь Лу отбросил медведя в сторону и нежно коснулся кончиками пальцев уголка его глаза.

— Ты кажешься мне почти всемогущим.

Линь Илин, ошеломленный неожиданной похвалой, смотрел на него широко открытыми глазами. Чэнь Лу был в его старой пижаме, которая была ему явно тесновата, но он не выказывал ни капли недовольства. Его лицо сейчас было таким спокойным и... близким.

Всё это было похоже на сон.

Чэнь Лу подался вперед, заглядывая в его темные глаза своими синими:

— Я хочу научиться жить так же искренне, как ты. Я хочу, чтобы ты был моим. Весь, без остатка. Твой дух и твоё тело. Линь Илинь...

Илинь промолчал. Его черные волосы рассыпались по подушке, он выглядел совершенно беззащитным. В эту холодную и темную ночь тепло маленькой комнаты окутывало их, рождая странную, почти болезненную притягательность.

Чэнь Лу медленно склонился к его лицу.

И в этот раз Линь Илинь не отстранился. Он замер и спокойно встретил нежный поцелуй.

Мягкое прикосновение, едва уловимый аромат другого человека — всё это в одно мгновение разбилось на тысячи осколков и осело глубоко внутри, проникая в самую суть. Оказалось, поцелуй — это вовсе не страшно. Это не обязательно про похоть.

Оказалось, поцелуй может исцелять.

Когда они наконец отстранились друг от друга, Линь Илинь тяжело дышал, оглушенный этим открытием.

Этой ночью они уснули, крепко держась за руки. А за окном тихо падал первый снег две тысячи пятого года. Чистый и невесомый.

<http://bllate.org/book/17434/1664625>